

Веб-журнал "Европейская Афиша" №12 8/12/2012– www.affiche.info

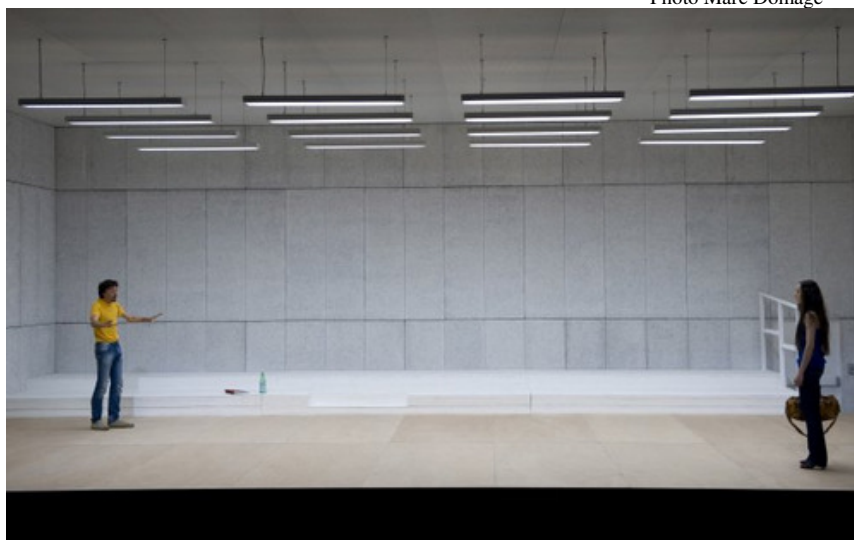
Конец игры.

Екатерина Богопольская

В Центре Помпиду (Centre Pompidou) в декабре возобновляют знаменитый спектакль режиссера и драматурга Паскаля Рамбера «Clôture de l'amour» (Предел любви), ставший событием 65-го Авиньонского фестиваля. Пьеса с тех пор переведена на многие языки мира, в том числе и на русский, получила Премию французской критики как «лучшая пьеса года», а самого Рамбера приглашают ставить ее по всему миру, от Москвы до Нью-Йорка.

Паскаль Рамбер возглавил после Бернара Собеля (2007) театр в Женевилье (Gennevilliers), ставший Центром современного сценического творчества. Пьеса «Clôture de l'amour» была им написана на конкретных актеров – Станисласа Нордея и Одре Бонне. Персонажи пьесы носят их имена - Стас и Одре, и во многом ориентированы на их актерскую индивидуальность.

Photo Marc Damage

Действие пьесы (и спектакля) происходит в пустом репетиционном зале театра, между мужем и женой, актерами. Формально они пришли на репетицию. Реально он позвал ее сюда, чтобы в абстрактной обстановке этого зала, напоминающего white box галереи современного искусства, под холодным светом неоновых ламп сообщить о конце их отношений, их любви: «Я пришел сказать, что все кончено. Так больше нельзя. Ну, нельзя и все». (Перевод Маши Зониной). Выяснение отношений?– скажите Вы. Нет, потому что в пьесе Рамбера, написанной закольцованой ритмической прозой, без знаков препинания, никаких почти бытовых подробностей, всего того, что можно было бы

назвать банальным поводом для расставания. «Предел любви» скорее вписывается во французскую традицию интеллектуального театра. Сюжет пьесы - расставание, о которой Он и Она расскажут в двух монологах так, что язык тоже окажется участником этого смертельного поединка: воспарение от обыденности современного сленга, где уход любви всего лишь «перезагрузка», туда, где «наши встречи и разлуки уходят вглубь и память глаз», уравниваются с великими произведениями искусства, и, в конечном счете, с вечностью. Мужское и женское, два взгляда, чтобы, выразить жестокость любви и невозможную боль расставания. По сути, это поэма о том моменте, когда любовь иссякла, но еще мучительно произнести слово «разрыв». О сложности любви и любовного желания, о сложности счастья вдвоем. Предел любви - это и потеря способности к диалогу.

Photo Marc Damage

Итак, на войне, как на войне. Матч между Станом и Одре длится час тридцать. Первый раунд - мужской. Говорит Он. А она слушает. Но молчание это говорящее. Мы почти физически ощущаем сжигающую ее внутреннюю боль при абсолютном молчании. Она стоически пытается выдержать удар, выпрямившись, как натянутая струна, или перегибается надвое, скрючившись от боли. А он жестоко добивает жертву. Впрочем, несмотря на холодную сталь ранящих слов, ему тоже, в конечном счете, тяжело: желтая майка Нордея за время монолога словно набухает от пота, становясь багрово-оранжевой.

Во втором ринге говорит только Она. И постепенно из жертвы превращается в нападающего, чтобы, в конечном счете, выиграть матч. Как? Об этом умолчим. Скажем лишь, что Рамбер придумал для Станисласа Нордея и Одре Бонне партитуру движений, скупых, но очень точных, которую можно назвать хореографией в пространстве. Она - то и уравнивает чувственный, то возвышенный, то грубо откровенный язык пьесы, и в финале почти срывающийся в мелодраму сюжет, перенося происходящее в область абстракции. Все-таки Паскаля Рамбера интересовала метафизика любви, а не конкретная история Стана и Одре.